

Юлия Комольцева

Проделки Амура

Часть первая

Парень моей мечты

Глава 1

Если повернуться налево и, чуть склонив голову, сделать вид, что рассматриваешь стеллажи с книгами на задней стене класса, то можно несколько мгновений незаметно любоваться профилем Лешки Куприянова. Правда, при этом существует опасность получить косоглазие. Но Таня Богдашова на подобную чепуху даже внимания не обращала. В такие моменты здравый смысл вообще покидал ее белокурую голову. Вот вчера, например, Татьяна разглядела на Алешкиной суле маленький, но очень мужественный шрам (наверняка, полученный в бою с бритвой!). Весьма прозаично... Но она весь день ходила под впечатлением, мысленно восторгаясь куприяновским героизмом и бравым внешним видом.

Парень моей мечты — называла его Таня. Естественно, не вслух. Просто чей-то тоненький, но очень настойчивый голосок внутри нее не уставал

повторять этот оборот. Волей-неволей приходилось прислушиваться и верить. И сходить с ума.

Конечно, Таня догадывалась, что несколько приукрашивает Лешкин образ, и каждый раз пыталась одернуть себя, приглушить эти всплески буйной радости при взгляде на парня своей мечты. Увы, безрезультатно. Такое ощущение, что она была подключена к мощной электростанции, которая время от времени сотрясала ее с такой силой, что все мысли вихрем вылетали из черепной коробки. Голова становилось пустой, как глобус. К глазам подступали необъяснимые, сладкие слезы. А сердце распускалось дивным цветком небывалых размеров и волшебным образом принималось трепетать в самые неожиданные моменты.

Избавиться от наваждения казалось невозможным. Оставалось только подшучивать над собой и своей безнадежной влюбленностью. Чем Таня и занималась в компании с лучшей подругой Люкой, посвященной в ее сердечные дела.

— Опять?

Таня ощутила толчок в бок и отвлеклась от созерцания куприяновского профиля. Люка смотрела на нее с насмешливой снисходительностью.

— Не могу оторваться, — шепотом призналась Татьяна. — За лето он стал еще красивей!

Точно — каникулы пошли на пользу Лешке: он раздался в плечах, загорел, и вообще азался ужасно взрослым, независимым и недоступным.

Вот что теперь делать-то?!

Если в девятом классе Таня еще надеялась на взаимность и даже осмеливалась строить ему глазки, то теперь ее просто задушили комплексы.

Такой расавец и не посмотрит в ее сторону! А случись это, разве ему понравится вид бледной, худосочной девицы с ужимками сгорающей от страсти обезьяны?! Таня не стеснялась в выражениях, мысленно описывая свою персону. Она не считала себя страхолюдиной, но стоило поблизости оказаться Куприянову, и ее самооценка падала ниже плинтуса. Опять же дрожь в коленях образовывалась, и язык словно примерзал к небу. Любовная лихорадка развивалась согласно примерам классической литературы.

— Ты же знаешь, Леша — просто смазливый болтун, и ничего больше! — напомнила Люка. — К тому же он тащиться от Рамштайна! Полный отстой!

— Мне по фиг, — равнодушно вздохнула Таня, — хоть бы даже ему «На-На» нравились, он все равно лучший!

Люка прошипела, что подобные высказывания свойственны только романтических дурочкам.

— Я-то думала, за лето у тебя эта блажь пройдет, — добавила подруга с тревогой в голосе.

— Любовь, а не блажь, — поправила Таня. — Не может это пройти, тем более, что Леша стал таким...

— Индюком, — закончила за нее Люка.

Словно не слыша, Таня, мечтательно закатив глаза, продолжала:

— Вот бы мне стать красоткой, а! Прическу можно сделать, как у Маринки из 11 «А». а у нашей Люськи надо попросить, чтобы она меня краситься научила. У нее макияж по жизни — обалдеть просто! Еще фигуру надо поправить. А что? Облопаться пирожных, вот тебе и бедра расивые!

Люа недоверчиво косилась на подругу, но та вдохновенно грезила дальше:

— Нос у меня, конечно, никуда не годится! Вот у Киры Самохиной носи очень симпатичный, а мой просто картошка облупленная! И ресницы короткие до безобразия! Мне бы Иркины реснички подошли, да? А ноги я бы взяла у Лебедевой. У нее прям от ушей растут, причем красиво так растут! Кстати, об ушах. Мои ужасно похожи на лопухи, правда? Вот бы мне уши, то есть уши маленькие аккуратненькие...

— А может, их просто мыть почаще? — Попыталась сострить Люка, желая отвлечь Таню от глупых рассуждений.

— Погоди, — отмахнулась та, даже не улыбнувшись, — еще грудь осталась. Вернее,

наоборот, полное ее отсутствие. Тебе хорошо, у тебя третий размер и форма очень даже ничего себе!

Таня посмотрела на подругу оценивающе и решительно кивнула.

— Точно! У тебя самая классная грудь! — Она укоризненно ткнула пальцем в Люку. — А я, значит, ходи как урод?! Без бедер, без нормального носа, без ресниц и без лифчика! А зачем мне лифчик, если туда сладывать нечего?!

— Богдашова, угомонись, — взмолилась Люка, вращая глазами от ужаса.

Прямо к ним направлялась Тамара Андреевна, весьма заинтересованная тихим, но пламенным монологом Татьяны. Надо заметить, что историчка была крайне неприятной особой, полагающей, что в жизни десятиклассников нет более важного занятия, чем изучать прошлое. К тому же, по данным школьной разведки, личная жизнь учительницы не складывалась, и к тридцати годам она все еще оставалась старой девой. Это обстоятельство здорово испортили ее характер.

— Надеюсь, вы с таким пылом обсуждаете события 1861го года? — Спросила Тамара Андреевна, облокотившись на парту.

— Да, да, — торопливо согласилась Люка.

— Ну, а ты что скажешь, Танюша? Чем знаменита обозначенная дата?

Таня тряхнула головой, пытаясь понять, чего от нее хотят. В этот момент ее взгляд наткнулся на заинтересованное лицо Куприянова, который вместе со всем лассом наблюдал за развитием событий.

Богдашова медленно поднялась.

— Э... В этом году было э...

— Ледовое побоище, — тихо подсказал какой-то шутник.

Не задумываясь, Таня повторила эту глупость на весь класс, схлопотала заслуженную двойку и, растерянно хлопая ресницами, села на место.

— Поменьше нужно витать в облаках, моя дорогая, — ехидно посоветовала Тамара Андреевна, — для вас сейчас главное — учеба, а никак ни макияж, модные тряпки и тусовки с мальчиами.

Татьяна сидела, опустив голову. На Лешку она теперь старалась не смотреть. Надо же так позорно лопухнуться в первые месяцы учебы, когда еще оставалась возможность произвести свежее впечатление. Произвела, называется!

— Дура, — прошипела Люка, будто прочитав мысли подруги. — Вот чего ты добилась? И все из-за этого красавчика! Какая бы грудь у тебя не выросла, Лешка никогда с тобой не будет. К тому же он предпочитает девушек постарше, чтоб с опытом...

— В этом возрасте все их предпочитают, — пробормотала Таня, пытаясь оправдать парня своей мечты, — просто у пацанов свербит в одном месте...

— Ну, и на фига он тебе такой нужен?! — В который раз прозвучал сакраментальный вопрос.

Таня едва слышно ответила, что без Лешки жизни ей нет и лето без него показалось ей настоящим кошмаром.

— А когда он вблизи, у тебя настоящее помешательство. И вагон двоек к тому же. — Люка презрительно сощурилась. — Кстати, разве твои каникулы обломались только из-за Куприянова? А деревня, в которую тебя сослали, ни при чем?

— Меня не сослали, просто к морю не получилось поехать, вот и пришлось у бабушки в деревне жить. Между прочим, там было супер!

Таня зажмурилась от воспоминаний. Ведь действительно было круто: утреннее задорное мычание вместо будильника, парное молоко с земляникой вместо скучного завтрака, простор полей, росные травы, запах леса вместо шоссе и душного метро. Там, визжа на озере от брызг воды, гоняясь с местными ребятами на велике по широким деревенским улицам, поднимая пыль и пугая старух, лазая по чужим садам за яблоками, Таня не вспоминала Лешку. И даже ни разу он ей не приснился: крепкий, голубоглазый, с античным

профилем и губами, полными превосходства.

С чего же она взяла, что без него невыносимо плохо?

«Наверное, это все переходный возраст», — критически оценила Татьяна свое состояние, и к ней вернулся оптимизм.

— Может, грудь Лешку и не вдохновит, а вот своим интеллетом я его поражу, — прошептала она Люке. — Он всегда преклонялся перед умными людьми. Так что мне стоит исправить двойку, хранить в классе глубокомысленное молчание и, на всякий случай, прочитать «Войну и мир» от корки до корки.

Подруга скептически наморщила лоб и заявила, что Богдашовой в первую очередь следует подлечиться.

— Лучше всего пройти курс реабилитации в «Верхушке», — пояснила она, — там неплохие врачи имеются, могу познакомить.

Не в первый раз Люка предлагала подобную шоковую терапию. Но Таня, как обычно, только вздохнула в ответ и снова покосилась на Куприянова. Он редко появлялся на дискотеках вроде «Верхнего гулянья», — слишком там было простовато. Леша — сын богатых родителей — мог позволить себе самые престижные клубы.

«Так что еще и классовое неравенство налицо», мелькнуло в Таниной голове.

— Пойдем, — уже на перемене тормошила Люа подругу, — склеим пацанов, потусуемся влегкую. Хоть на вечер можешь ты забыть о том, что влюблена в этого кретина?

— Забыть не могу, — задумчиво ответила Татьяна, — а вот понадеяться, что его внезапно занесет в «Верхушку», наверное, попробую. В конце концов, даже принцы иногда ездят в метро.

— Ценное замечание.

— Было бы, конечно, лучше, если бы мы смогли достать бабки и прорваться в «Оракул», — размечталась Таня.

— Не перегибай палку, — одернула Люа, — в этом клубе крутой фейс-онтроль, в наших нарядах с рына туда точно не пустят. На всякий случай, можешь, конечно, спросить денег у матери. Но тогда уж проси не только на вход, но и на новые шмотки, поняла? Вот, кстати, она идет...

И Люка радостно завопила, бросась навстречу учительнице химии, а по совместительству Таниной маме:

— Здравствуйте, Ольга Ивановна! Вы к нам сейчас, да?

— Привет, привет. А вы что ли против похимичить? — Улыбнулась та.

— Мам, мы не против, но нам надо денег, — сразу пошла в атаку Таня.

— В смысле?

— В смысле, на дискотеку, — зачистила Люка, — только она дорогая, но нам очень нужна туда попасть, иначе Таня совсем загнется.

Богдашова возмущенно пихнула подругу в бок.

— Стало быть, опять Куприянов, — вздохнула между тем Ольга Ивановна, которая в общих чертах была посвящена в любовную трагедию дочери и совсем не одобряла выбора Татьяны.

— Мам, он тут вовсе не причем! И если ты будешь грубо вмешиваться в мою личную жизнь, — драматически заламывая руки, начала Таня, но Ольга Ивановна притянула ее к себе и крепко обняла:

— Денег я тебе, конечно, дам и вмешиваться не буду. Только ты сама прекрасно знаешь, что наших с папой доходов едва ли хватит, чтобы поразить Лешино воображение.

— Ладно, Тань, — встряла Люка, — пошли в «Верхушку», и все дела. Ты же сама говорила про принцев в метро. Вдруг повезет?

Татьяна не хотела, чтобы вдруг. Она мечтала сразить Куприянова наповал, а для этого надо было точно рассчитать время и выбрать подходящее место. Увы, раз этот план неосуществим, значит, снова придется положиться только на удачу.

— Окей, — Таня независимо шмыгнула носом и выбралась из маминых объятий, — будем

колбаситься среди простого люда. Мам, гони лавэ.

— Чего, чего? — искренне не поняла Ольга Ивановна.

Люа перевела на нормальный человеческий язык просьбу подруги, и, посмеиваясь, все втроем направились в кабинет химии. Только благодаря тому, что Таня отлично знала мамин предмет, она не схлопотала очередную двойку, но все-таки изрядно намучилась у доски, натыкаясь на равнодушный взгляд Алешки.

* * *

Вечером Таня сидела в своей комнате и пыталась соорудить из непослушных волос хотя бы подобие прически. Но легкие пряди разлетались в разные стороны, не желая подчиняться ни расческе, ни лаку.

— Тьфу на вас! — Озверела Таня и решила заняться макияжем.

Однако, тут тоже не заладилось. Одна бровь получилась удивленно приподнятой, а вторая нависла над глазом, будто грозная туча. Ресницы вообще стали похожи на противные, толстые паучьи лапы. Помада упорно не хотела ровно ложиться на губы, в итоге рот у Татьяны вышел чересчур широким, даже клоунским.

И все потому, что она никак не могла

избавиться от мыслей о Куприянове. Тане кружила голову надежда, что он тоже может прийти сегодня в «Верхушку». Ради этого стоило потрудиться перед зеркалом.

И она начала все сначала.

Умылась, нанесла крем на лицо, немного припудрилась. И стала подводить глаза, прикрыв веки, будто в томлении. На этот раз получилось ровно и гладко, если не считать того, что карандаш оказался красным и предназначался для губ. Таня с отчаянием уставилась на собственное отражение. Бледная до синевы девица набухшими веками и кривой ухмылкой. Возникало такое ощущение, что несколько дней подряд она рыдала без перерыва на обед и сон.

— Мам! Накрась меня, а? на всю квартиру заорала Татьяна, осознав, что самостоятельно не справится.

Ольга Ивановна не ответила. Вместо нее в комнату вошел отец — Игорь Сергеевич.

— Ты что орешь?

— Пап, позови маму, — с мольбой в голос пролепетала та.

— У мамы гости. Ты что, не слышала?

— Опять ученики? — Вздохнула Таня.

Ольга Ивановна иногда занималась с ребятами дома, натаскивая их по химии.

— Родители ученика, если я правильно

понял, — пояснил отец, — по-моему, какого-то Волкова.

— А, это Артема, наверное, из 11 «В», — догадалась Таня.

Об этом парне в школе ходили самые разнообразные, противоречивые слухи. Одни говорили, что Артем балуется наркотиками и верховодит какой-то бандой. Другие утверждали, что он — обыкновенный двоечник и тупица, не умеющий связать двух слов. Девчонки не уставали восторгаться его атлетической фигурой и суровой молчаливостью. Им Артем казался воплощением романтического героя — сильного, отважного, мудрого, не бросающего слов на ветер. Один факт был неоспорим — Артем полностью оправдывал свою прозвище Волка. Одиночка по жизни.

Таня же обозначила его темной лошадкой и иногда на школьных вечеринках с любопытством наблюдала, как он мается от скуки. Артем явно было неинтересно среди сверстников, и он свысока поглядывал на их забавы. Пару раз самые смелые девушки решались с ним заговорить, пригласить на танец. Волк невозмутимо поддерживал беседу, но этим все ограничивалось.

— Зачем Волку химия? — мимолетно удивилась Таня.

— Какоу волку?! — В свою очередь удивился папа, о котором она совсем забыла.

— Да та, никакому. Пап, а мама там надолго, не знаешь? Она мне очень нужна!

В этот момент дверь гостиной распахнулась, и оттуда вышла Ольга Ивановна. Вид у нее был сердитый и немного растерянный.

— Конечно, если вы настаиваете, — нервно произнесла Танина мама, — то я попробую, но когда у человека нет интереса, знания не воспринимаются.

— Да какой он еще человек! — Пророкотал бородатый мужчина, появляясь в прихожей следом за Ольгой Ивановной.

Таня с папой обменялись возмущенными взглядами, понимая, что речь идет о сыне этого бородача.

— Да уж, человеком надо стать, — раздался еще один незнакомый голос.

Из гостиной выплыла худосочная, высокая женщина с хищными чертами лица. Тане бросилась в глаза ее неестественная, тонкая улыбочка.

— И вот в этом, милая Ольга Ивановна, вы нам можете помочь, — добавила гостья, поправляя причесу перед зеркалом.

— Увы, не могу, — устало ответила учительница, — это не в моей компетенции. Я лишь пытаюсь подтянуть Тему по химии.

— Конечно, конечно, — встрял мужчина, — от вас только это и требуется. Будьте с ним

построже. До свиданья.

Его супруга лишь коротко кивнула на прощанье. Ольга Ивановна закрыла за ними дверь и утомленно прислонилась к косяку.

Таня с отцом ошеломленно молчали. Казалось, по квартире пронесся тайфун.

— Просто энергетические вампиры какие-то — всплеснула руками мама, — это надо же так давить на людей!

— А нас они как будто вообще не заметили, — обиженно протянула Таня, — мама, зачем ты вообще согласилась с Волком заниматься? Он точь в точь такой же, напыщенный индюк!

Ольга Ивановна зашла в комнату и присела рядом с мужем на дочкину тахту.

— Танюш, ты не права. Артем не похож на своих родителей. Он просто одинокий мальчик, из-за этого его и в классе травят, не понимают...

— Ты его пожалела, да? И пошла на поводу этих... Они же противные!

Таня брезгливо поморщилась. Родители прыснули, такая забавная рожица получилась у их дочери.

— Чего гогочите?

— Доченька, ты слишком категорична! — Уже серьезным тоном заметила Ольга Ивановна. — Агриппина Владимировна и Ниолай Николаевич вовсе не противные, хотя, безусловно, не слишком

приятные люди. Но, с другой стороны, их можно понять, — они беспокоятся о сыне. Он ведь в этом году школу оканчивает, вот им и хочется, чтобы у мальчика был хороший аттестат. Они считают, что химия ему необходима.

— Зачем? Он что, химиком будет? Или врачом?

— Да. Николай Николаевич доктор, и хочет, чтобы сын пошел по его стопам, — пояснила мама.

Таня удивленно округлила рот.

— А Волк... Волк тоже этого хочет?

— По-моему, он сам не знает, чего хочет. В этом возрасте еще трудно определиться. Ты ведь тоже пока не решила, кем быть, так?

Ольга Ивановна ласково взъерошила белокурые волосы дочери. Та досадливо отодвинулась. Но досада была не на маму.

— Вы ведь на меня не давите, не подгоняете!

— Все люди разные, — задумчиво произнесла Ольга Ивановна, — тебе, Татьянка, с родителями повезло, скажем без ложной скромности. А вот Артему не позавидуешь...

На мгновение в комнате повисла тишина. Таня вдруг встрепенулась, взглянув на часы.

— Мам! У меня вообще-то к тебе дело! Давай меня накрасим красиво!

— Чтобы твой Куприянов голову потерял? — Уточнила Ольга Ивановна.

— Он не мой, — с горечью возразила Таня, — вот если бы мне помогла! Но тебя, мамочка, совсем не волнует судьба дочери!

Ольга Ивановна грустно усмехнулась:

— Очень даже волнует. Поэтому в сотый раз тебе повторяю, что Леша не стоит таких ухищрений!

Игорь Сергеевич деликатно удалился, не желая принимать участия в подобного рода переговорах. Он устроился с газетой за кухонным столом, однако, никак не мог сосредоточиться, потому что за стенкой разгорался нешуточный спор между матерью и дочерью.

В итоге через несколько минут из комнаты выскочила пунцовая от гнева Татьяна, размазывая слезы по щекам.

— Все равно я его люблю! — Кринула она запальчиво, чувствуя себя героиней мелодрамы.

Ольга Ивановна пробормотала в ответ, что это пройдет.

Таня не услышала. Судорожно всхлипывая, она всунула ноги в туфли, накинула куртку и выскочила из квартиры.

— Зонтик возьми! — Заорал Игорь Сергеевич, но дочь проигнорировала и его.

— Что с ней?! — Спросил он у жены, когда ты вышла на кухню.

— Как обычно. Целый месяц уже с ума

сходит.

— Оль, а может, этот ее Куприянов не та уж плох? Все девчонки время от времени влюбляются. Что ты так на нее набросилась?

Ольга Ивановна покачала головой:

— Леша — избалованный эгоист и маменькин сынок. Знаешь, что я на днях от него услышала? А зачем, говорит, мне напрягаться и зубрить, если у папы денег полные карманы? Мол, все равно в любой вуз смогу поступить.

Игорь Сергеевич, пожав плечами, сказал, что большинство подростков именно та и рассуждают, и ничего особенного тут нет.

— В конце концов, у Татьяны своя голова имеется. Не думаешь же ты, что этот парень станет плохо на нее влиять. Дай ей самой разобраться...

Глава 2

Таня не хотела ни в чем разбираться, она была твердо уверена, что Куприянов — самый лучший человек на свете.

Перепрыгивая лужи, Татьяна мчалась к остановке, где они договорились встретиться с Люкой, и думала о том, как здорово иметь подругу, которая все понимает. Уж она-то не станет читать нотации, и если и посмеется над Таней, то по-доброму, по товарищески. Дружба — великое

дело! Особенно в промозглом октябре, когда та хочется тепла и участия.

Это Таня поняла спустя несколько минут, после того, как в одиночестве посидела на остановке. Было уже темно, ветер пробирал до костей, и небо, казалось, нависло прямо над головой. Вот-вот макушкой упруешься в седые, лохматые тучи...

Словом, зря Таня не взяла зонтик. К тому же, напрасно она, желая повыпендриваться, вырядилась в короткое платьее и туфли на каблуках. Одно хорошо, что не успела все-таки обновить макияж! Мелкий дождик был Тане не страшен, никакая косметика с лица не потечет!

Но где же Люка? Татьяна пытаюсь согреться, принялась подскакивать на месте и растирать заледеневший нос. И в этот момент, когда она была похожа на вьерошенного одинокого воробья, трясущегося словно в припадке и завистливо поглядывающего на прохожих с зонтами и в теплых шарфах, Таня увидела Куприянова. Он, как ни странно, тоже ее увидел. С неохотой кивнул в знак приветствия.

Татьяна вдруг испугалась и стала озираться, не в силах поверить, что он кивнул именно ей. В общем, вела она себя довольно по-кретински, что и говорить!

Между тем Леша достал сигареты, и,

прикурив, зашел под крышу остановки. Таня разглядела его шикарные светлые брюки, кожаную куртку, под которой виднелся свитер, обтягивающий наачанную грудь, умопомрачительный белый шарф, обхвативший мощную шею.

Другая бы подумала: вот пижон!

А Таня подумала: обалдеть!

Она глаз не могла оторвать от парня своей мечты. И даже забыла о том, что минуту назад была обижена на весь свет и умирала от холода. Куприянов перехватил ее взгляд и, как показалось Тане, обреченно вздохнул. Да уж, невежливо получается. Встретились два одноклассника, нет бы словом перекинуться, а они тупят, глядя друг на друга.

Алексей выкинул сигарету и сделал шаг навстречу Тане. Заметив это, она запаниковала ужасно, но ноги сами собой преодолели оставшееся расстояние между ними.

— Привет. А, ну да, мы уже здоровались. Ты чего? В смысле, ты кто?! Тьфу ты, то есть ты куда?!

Ох, какая же она идиотка! Таим идиоткам надо с рождения рот заклеивать скотчем, чтобы они потом не бредили вслух и не пугали нормальных людей. — Привет, привет, — лениво отозвался Леша, усмехаясь. — Чего мерзнешь-то?

— Да я вот подругу жду.

Он равнодушно кивнул. Мол, понятно. А кого же тебе еще ждать, такой-то вот кретинке!

Таня в панике уставилась на собственные руки, покрасневшие от холода. Что говорить? Что делать? Такой шанс нельзя упускать! Куприянов во плоти стоит в метре от нее, а вокруг никого, и только романтическая луна смотрит с неба. Взгляд Татьяны переместился вверх. Ага, луна и вправду смотрит. Стало быть, мезансцена вполне соответствует.

Караул! О чем она думает?! При чем здесь луна и сцена?!

Татьяна отчаянно вцепилась ногтями в ладони, пытаясь привести саму себя в чувство.

— Дай закурить, а? — Рывкнула она, едва не набросившись на Лешу.

Тот покосился с подозрением.

— Ты разве куришь?

— А то! — Воскликнула Таня и уронила протянутую сигарету в лужу.

— Ладно. Не надо. Спасибо. Я потом, — невпопад протарахтела она. — Что-то как-то... Типа холодно, да?

Ее действительно тряс озноб, но это была любовная лихорадка, а не признаки надвигающейся простуды.

— Да уж, не жарко, — пробурчал Куприянов, явно тоскуя.

«Может, ему свою куртку предложить», промелькнула у Татьяны в голове.

Ее дикий взгляд немного напугал Лешу.

— Ты чего? — Спросил он, незаметно отодвигаясь.

— Нет, ничего, это я так... — и набрав воздуха побольше, она словно нырнула в ледяную воду, — а ты куда сейчас? Может, нам по пути?

От собственной смелости Таня едва не упала.

Куприянов с досадой покачал головой.

— Вряд ли. Я в «Верхушку» еду, а тебе же надо подругу дождаться. Вон, кстати, мой автобус. Пока-пока.

Выпалив это все одни махом, он проворно развернулся и побежал к автобусу. Таня несколько мгновений хлопала ресницами ошарашенно.

Он едет в «Верхушку»!!! Это судьба! Сначала она сталкивает их здесь, на остановке, в романтическом полумраке, под луной... А потом... Потом они окажутся в одном клубе, где играет музыка, и сердца соединяет внезапная страсть...

Что это было?! Ее мысли?!

Таня взяла себя в руки и приготовилась ждать Люку, чтобы вместе с ней помчаться на всех парах прямо в объятия судьбы. То, есть Лешины объятия. Вот!

Однако, вместо подруги на остановке вскоре появился карапуз лет семи с огромным зонтом в

руках. Он подошел к Тане, дернул ее за рукав и, хлюпая носом, заявил:

— Юлька велела сказать, чтобы ты не ждала. Она тебе звонила, звонила, а тебя нет!

— Олежка?! Привет! — Таня склонилась к братику Люки. — Я ничего не поняла, давай по порядку.

— У ней температура. У Юльки то есть. А она ее не пускает. Мамка то есть. Увидала градусник, и давай орать. Теперь Юлька в кровати лежит, то есть, сидит, и чай пьет.

Он снова шмыгнул носом. Таня тоже шмыгнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

— Ладно, я пошел.

Олежка чинно направился к дому, а Таня осталась погибать на остановке. Все сорвалось. Судьба поманила и бросила, поставив подножку в виде болезни подруги.

Жизнь, считай, кончена... такой шанс упустить, сердце сейчас разорвется и все тут!

Это умозаключение вдруг разозлило невероятно, Таня аж ногой топнула. Брызги от лужи полетели в разные стороны.

Кто сказал, что нельзя на дискотеку отправиться в гордом одиночестве?! Почему она должна терять такую прекрасную возможность и умирать от холода, боли и тоски под дождем?! Вон

Волк ходит везде один, и ничего. Чем Таня хуже?

Она пойдет в «Верхушку», сядет за столик, дождется медленной композиции и пригласит Лешу на танец. Замечательный план, правда? Ничего страшного! Надо просто собраться с духом, и все.

Таня решительно запрыгнула в подоспевший автобус и уже через полчаса стояла в очереди в гардероб. Стараясь не трястись от ужаса, она сдала куртку, одернула платье и направилась в зал, отуда доносилась популярная песенка и радостные вопли ребят.

Несколько мгновений Таня в полной прострации глядела на танцующих. Ее то и дело задевали, но она даже не чувствовала этого, словно болванчик, шатаясь на огромных каблуках. Наконец, словно в омут с головой, нырнула в толпу и, ощутив очередной пинок, несколько метров буквально пролетела по площадке, в итоге ткнувшись головой в чье-то твердое плечо.

— Извините, — пискнула Таня.

— Целая? — Поинтересовался владелец плеча.

Она кивнула и увидела перед собой Волка.

— Ой, привет.

— Привет, а мы, что, знаомы?

— Вообще-то, мы учимся в одной школе, — заметила Татьяна, задетая тем, что Артем ее даже

не вспомнил. — И к тому же, моя мама — твоя классная.

Волк кивнул с некоторой ленцой.

— Ясно. Ты дочка Ольги Ивановны. Таня, кажется, да?

О, сообразил все-таки!

— Хочешь пива? — Внезапно выпалила Татьяна.

Удивившись самой себе, она лихорадочно соображала, зачем ей это надо и что теперь с этим делать. И вдруг блестящая мысль потрясла Танино сознание. Ну, конечно! Именно так! Она просто гений!

План сформировался в считанные секунды, и являл собой образец женского коварства. Татьяна задумала с помощью Артема заставить Куприянова приревновать!

А что, парни обычно клюют на такие уловки.

Она пофлиртует с Волком, может быть, даже позволит ему себя поцеловать, — главное, чтобы это увидел Леша. То-то он удивится! И, конечно, сразу поймет, что был не прав, игнорируя ее. Взгрустнет, наблюдая за «счастливыми возлюбленными», а потом пойдет в атаку. Быть может, и драка будет. Ведь Леше придется отбить Таню у Волка. Конечно, в этом поединке победит парень ее мечты! И новый шрам урасит его мужественное лицо... а Таня подует нежно на его

раны, и боль утихнет...

Хмм... вот что значит, плод больного воображения... Таня с ужасом огляделась, напугавшись, что кто-то подслушает ее мысли.

Артем смотрел на девушку немного обескураженно. Обычная презрительная ухмылка исчезла с губ, уступив место удивлению.

— Что ты там бормочешь? У тебя похмельный синдром?

— Не-а, я в порядке. Так что, идем пить пиво?

— Вообще-то ты несовершеннолетняя, — протянул Артем.

— Ты тоже, — парировала она.

Он вдруг улыбнулся шире.

— Значит, идем.

— Логично, — улыбнулась и Таня.

Он подтолкнул ее к барной стойке и с насмешливой снисходительностью наблюдал, как Таня пытается оседлать высокий стул. В узком коротком платье ей приходилось довольно трудно.

— Чего? — Пробурчала она недовольно, когда сиденье в очередной раз ускользнуло.

Без лишних слов Артем схватил ее подмышки, приподнял и усадил.

— Спасибо, — фыркнула Таня, одергивая подол.

Он молча кивнул, сделал заказ. Татьяна озиралась, отлавливая взглядом жертву своего

коварного замысла. Но парня ее мечты нигде не было видно.

— Ну и народищу тут, — раздраженно заявила она.

Артем снова кивнул.

Ей жутко захотелось влепить ему подзатыльник. Какой же он противный! Ишь ты, прямо рта не раскроет, чтобы успокоить девушку или развлечь светской беседой.

Девушка между тем изнывала от нетерпения, не зная, чем себя занять, пока не появился Куприянов.

— Слушай, а твои предки всегда такие зануды? — От нечего делать поинтересовалась Таня.

Лицо Артема мгновенно утратило безразлично-утомленное выражение. Он напрягся, словно перед прыжком, но спокойным тоном ответил, что не понимает, о чем речь.

— О твоих родителях, вот о чем! — Заявила Татьяна. — Они сегодня мою маму просто достали! Взяли измором!

Волк побледнел. Это было заметно даже в полутемном зале.

— Ты знаешь, о чем они договорились? — Сквозь зубы протянул он.

— О твоих занятиях, о чем же еще! Будешь теперь химию долбить.

— Сколько занятий в неделю? — Уточнил он тем же тоном, словно каждое слово давалось ему с трудом.

Таня пожала плечами и, потеряв интерес к этому напыщенному индюку, снова огляделась. Леши по-прежнему не было поблизости.

— Будешь великим врачом, как твой папочка, — чтобы выместить злость, брякнула она Волку.

— Не твое дело, — тоже злобно отреагировал он.

— А чего ты бесишься? — Недоуменно усмехнулась она, — это ж не я тебя за учебники сажаю, предкам спасибо скажи!

— Не твое дело, — повторил Волк, играя желваками.

— Еще скажи, без комментариев, — развеселилась Таня.

Артем, одарив ее презрительным взглядом, встал и медленно направился прочь. «Ой, ой, а как же мой гениальный план», опомнилась Татьяна.

— Волков, ты куда? — Она рванулась за ним, ругая свой подлый язык.

Черт ее дернул городить эти глупости! Какое ей вообще дело до Волка и его семейных проблем?!

Артем резко развернулся, и Таня снова вписалась челюстью ему в плечо.

— Изжвини, пожалуйста, — прошепелявила

она, мысленно простившись с зубами.

— Слушай, Таня, чего тебе от меня надо? — Предельно вежливо, но с издевкой осведомился Артем.

— Прошто посидеть.

И тут краем глаза она заметила знакомую фигуру в белом шарфе. Лешка! Сердце, как всегда при виде него, бухнуло вниз, к ногам, потом метнулось к горлу, да там и застряло, мешая дышать. Перед глазами поплыла розовая дымка.

Жизнь прекрасна, господа присяжные заседатели! Или как там говорил незабвенный товарищ Бендер? Лед тронулся...

Точнее, это не лед тронулся, это Таня совсем тронулась от любви! Схватив Артема за руку, она потащила его обратно к бару, стараясь не выпускать из виду Куприянова.

— Ты сумасшедшая? — Деликатно поинтересовался Волк, когда Таня решительно стала пристраиваться к нему на колени.

— Нет, нет, — забормотала она, — просто так будет натуральней, ты же меня любишь и хочешь быть со мной рядом, так что эта поза подойдет больше всего.

Опешив, Артем позволил ей всарабкаться к себе на колени и не сумел произнести ни слова даже тогда, когда Таня положила его руку себе на грудь.

— Тут плохой свет, — пожаловалась она неизвестно кому.

Куприянов тем временем дергался в кругу танцующих. Таня замерла, наблюдая за ним. Но вот музыка смолкла, диджей сменил диск, и зал наполнился плавной мелодией.

Таня отмерла, заметив, что толпа вокруг Лешки редет, и он вот-вот увидит их с Волковым. Самая пора действовать!

— А теперь шепни мне что-нибудь! — Категорическим тоном велела она Артему.

— У тебя классная грудь, — невозмутимо заявил тот ей на ухо.

Совершенно автоматически, забыв о своем коварном плане, она взбеленилась от его слов, и мгновенно вскочив на ноги, вlepила Волкову звонкую пощечину. Он, даже не поморщившись, произнес восхищенно:

— И реакция обалденная!

Она изумленно хлопала ресницами, не в состоянии понять, что происходит, но внезапно почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. В полной растерянности Татьяна оглянулась и увидела Куприянова. Он смотрел на них с насмешливым любопытством.

— Это для него, что ли концерт? — Долетел до Тани голос Артема.

Она промолчала, не сводя влюбленных глаз с

Алешки, и вдруг словно получила обухом по голове. Откуда ни возьмись, рядом с Куприяновым появилась яркая брюнетка и собственническим жестом положила руки ему на плечи. Прижавшись друг к другу, они плавно задвигались в такт музыке. А потом принялись целоваться.

Ужас какой-то! Или это обман зрения?! Может, Лешка просто слишком близко склонился к темноволосой красавице, пытаюсь ей объяснить теорему Пифагора?! Или в данный момент он рассказывает ей о своей внезапной страсти к Тане, плачется в жилетку и просит совета!

Но нет, словно пытаюсь добить девушку окончательно, парочка развернулась к ней в профиль, и стало совершенно очевидно, что они самозабвенно целуются.

Показалось, что в помещении внезапно кончился воздух. Таня поняла, что еще секунда, и она просто задохнется. Ослепнув от слез, она наобум двинулась вперед.

— Эй, ты чего?! — Заорал Волков ей вслед.

Но Тане было плевать на него. Рыдая на бегу, забыв куртку в раздевалке, она выскочила в промозглые осенние сумерки. Дождь мгновенно принял девушку в свои объятия.

Через полчаса, сотрясаясь от холода и слез, Татьяна пыталась попасть ключом в замочную скважину. Наконец, дверь открыли с другой

стороны.

— Что случилось, доченька?! — Ахнула Ольга Ивановна, когда увидела ее во всей красе — красную, зареванную, мокрую с головы до пят.

— Он... он... я... я... я попала под дождь, — клацая зубами, сообщила Таня и шагнула в прихожую. Вокруг нее мгновенно образовалась лужица.

— О, господи! Бегом в ванную! Шагом марш! Игорь, поставь чайник и достань малиновое варенье!

Пока родители суетились, Таня приходила в себя в горячей воде, но если тело понемногу отогревалось, то душа ее по-прежнему сотрясалась в ознобе. Все кончено! Вернее, ничего даже не начиналось и никогда уже не начнется!

Конечно, Таня догадывалась, что Куприянов не ведет монашеский образ жизни, что у него куча поклонниц, что ему нравится целоваться с яркими девушками вроде той брюнетки. Но одно дело предполагать и догадываться, и совсем другое — увидеть собственными глазами.

Это было как удар поддых. Очень больно, очень...

«А какой был шикарный план», — с грустной усмешкой вспомнила Таня и в очередной раз всхлипнула.

В ванную вошла мама.

— Может быть, расскажешь толком, что произошло?

— Ничего особенного. Я же говорю, попала под дождь.

— Ты все-таки ходила на дискотеку? Одна?

Таня досадливо дернула плечом. Какая теперь разница, куда она ходила и с кем. Жизнь кончена, а мама говорит о какой-то чепухе.

— Люка звонила, — сообщила Ольга Ивановна, — вот я и поняла, что ты решилась в одиночку испытать судьбу.

Судьба... Да, Таня сама еще недавно думала так. Но теперь стало ясно, что это была не судьба, а злой рок. Ей словно надавали пощечин, да нет, избили конкретно и бросили в ледяную воду. Чтоб знала свое место и не совалась, куда не надо!

Куприянову нет до нее никакого дела!

Так что, сиди Танюша в ванне и не мечтай даже о счастливой любви...

— Ну, хватит слезы лить, — строго произнесла Ольга Ивановна, заметив, что дочка опять сморщилась, готовясь разрыдаться над своей горькой участью, — ничего страшного не случилось.

— Случилось! — Подвывая нечеловеческим голосом, возразила девушка.

— Ты его увидела с другой? — Смекнула мама.

Таня кивнула, даже не в силах удивиться такой пронизательности. Все было безразлично. Перед глазами стоял Лешка, обнимающий брюнетку. И Таня отчетливо понимала, что ей самой никогда не бывать на месте той красотки.

Если только...

Грохнуть эту красавицу! Или самой покончить жизнь самоубийством?! Все равно никакой надежды на Лешкину взаимность нет, значит, существование на этой планете просто бессмысленно.

Вот и третий вариант — надо сбежать с этой планеты на другую. На Луну, допустим.

Все это такой бред!

Может, она больна?! Реально больна и в этом все дело...

— Давай-ка померим температуру, и папа отнесет тебя в постель, — заявила Ольга Ивановна.

У Тани не было сил возразить. В постель так в постель.

Она мгновенно провалилась в бездонную темноту, но еще долго всхлипывала во сне и невнятно бормотала, пугая родителей.

Они устроились на кухне и обеспокоенно перешептывались.

— Пусть завтра дома останется, — решил Игорь Сергеевич.

— Да уж, — покручивая градусник в руке,

согласилась Ольга Ивановна, — тридцать восемь — это не шутка. Но в любой ситуации есть плюсы.

Муж взглянул на нее с удивлением.

— И какая же радость в том, что Танюшка заболела?

— У нее будет время подумать обо всем спокойно. Ты не представляешь, как ей сейчас тяжело. Она же совсем забросила учебу, придумала себе кучу комплексов, стала жутко неуверенной, и все из-за этого хлыща! Даже в ее возрасте, когда все так непонятно и трудно, любовь не должна унижать, не должна быть жестокой, понимаешь?

Ольга Ивановна увлеклась и заговорила, как на уроке, проникновенным голосом объясняя супруг прописные истины. Ее аргументы были понятны и разумны, однако, если бы их сейчас услышала Таня, вновь разгорелся бы нешуточный спор. Потому что любовь не поддается логике, и никакие умные речи не могут ее охладить.

Просто однажды неведомо откуда опускается на сердце блаженство, и с каждой секундой разгораясь все ярче и сильнее, уже не согревает, а сжигает дотла все привычные мысли и чувства.

Глава 3

Ранним утром семья Волковых собралась за завтраком. Николай Николаевич, уставившись в

газету, рассеянно поглощал омлет. Агрипинна Владимировна элегантно отпивала кофе из крошечной чашечки. Брезгливо морщась, косилась на сына, который жевал бутерброд и шумно прихлебывал горячее какао.

— После уроков у тебя сегодня занятия химией, — сообщила она Артему.

— Я знаю, — буркнул он.

— Откуда?! — Изумилась мать.

— Какая разница? Знаю, и все.

Артем бесстрастно допил какао, проигнорировал салфетку, стряхнув крошки рукой со стола, и заявил:

— Я все равно не буду заниматься!

Агрипинна Владимировна отставила чашку и внимательно посмотрела на сына. Выражение ее лица явно не предвещало ничего хорошего.

— Николай, ты слышишь?

— А?

— Отложи свою дурацкую газету! — Взвилась его жена. — Решается судьба твоего сына, а ты даже пальцем не пошевелишь!

Николай Николаевич, давно привыкший к пафосному тону супруги, одарил ее спокойным взглядом. Мол, дорогая, все в порядке, нечего зря тратить нервы.

— Скажи ему! — Приказала Агрипинна Владимировна.

— Мам, мне не надо ничего говорить, — вклинился Артем, стараясь отвечать мирным голосом. — Если вы настаиваете, конечно, я исправлю четверку по химии. Но, по-моему, это и так хорошая оценка, не двойка же в конце концов!

— С четверкой ты никогда не поступишь в медицинский! — Возразил отец.

— Я и не буду туда поступать, — должно быть, в тысячный раз заявил родителям Артем.

Агрипинна Владимировна судорожно вздохнула и схватилась за грудь. Николай Николаевич потянулся за сигаретами, чувствуя, как утреннее благодушное настроение сменяется раздражением на сына. Привычная тема грозила обернуться очередным скандалом.

— Мы с мамой хотим... — начал было объяснять Волков-старший, но Артем перебил его:

— Я знаю, чего вы с мамой хотите. Но почему-то никого не интересует, чего хочу я!

— Потому что, ты никто и звать тебя никак! — Выкрикнула Агрипинна Владимировна. — Право на выбор нужно заслужить, ясно тебе? А пока будь добр подчиняться!

— Служить бы рад, прислуживаться тошно, — ответил цитатой начитанный сын.

Николай Николаевич сломал сигарету и стукнул кулаком по столу.

— Не смей грубить матери!

— Хорошо, — с неожиданной покорностью согласился Артем, — я не буду грубить и вообще стану паинькой, только позвольте мне заниматься своим делом.

— Это какое такое дело? — Насмешливо прищурилась Агрипина Владимировна. — Твои писульки, что ли? Детский лепет, и только. Бумагомарательство и бесполезная трата времени!

— У тебя нет ни опыта, ни знаний, чтобы писать достойные вещи, — заражаясь напыщенными речами жены, воскликнул Николай Николаевич.

Артем, сжав кулаки, встал из-за стола. Как же ему претили подобные высказывания! Как надоели эти патетические разговоры! Он не мог понять, почему родители взяли за правило оскорблять его, тыкать носом в нежный возраст, который не позволяет ему называться человеком.

Пока тебе 17 лет — ты всего лишь придаток к семье. Ты обязан.... Ты должен... И вечное нельзя! И бесконечные обвинения в безответственности. А как стать ответственным, если нет ни единого шанса решить хоть что-нибудь самостоятельно?! Если каждый твой шаг контролируют!

— Мне нравится сочинять, и я хочу только этим зарабатывать на жизнь, — произнес Артем как можно убедительней.

— Сначала получи высшее образование, — выдвинул обычный аргумент отец.

— Я должна быть за тебя спокойна, — всхлипнула мама, — а успокоюсь я только тогда, когда у тебя на руках будет достойная профессия.

— Журналист или писатель — профессия недостойная? — Уточнил Артем с нарастающим раздражением.

— Хватит спорить! Ты будешь поступать в медицинский, а для начала станешь посещать занятия по химии! Я бы сам тебя поднатаскал, только времени нет. Но учти, что проверку все равно устрою!

Отдышавшись, Николай Николаевич закурил все-таки, и, не глядя на сына, добавил, чтобы тот отправлялся в школу и не вздумал пропустить сегодняшний урок с Ольгой Ивановной.

— Не будет никакого урока, — ровным голосом возразил Артем, — и я не буду врачом. Никогда!

— Ах, — проронила Агриппинна Владимировна и стала заваливаться яна бок, схватившись за сердце.

Обычный трюк. Мамочка была блестящей актрисой. Артем прекрасно это знал, но почему-то каждый раз позволял водить себя за нос. Противная сосущая тревога не давала развернуться и уйти просто так. У матери, и правда, было больное

сердце.

Перехватив гневный взгляд отца, который пытался всучить Агрипинне Владимировне таблетку, Артем быстро налил воды и протянул стакан. Мама тихонько застонала, приоткрыв один глаз.

— Как мне плохо-ооо, о, как мне плохо!

— Уйди с глаз моих, щенок! — процедил отец.

Опустив голову, Артем вышел из кухни. Он понимал, что мать просто играет на его чувствах, а отец разрешает ей это делать ради их общей идеи. Однако несуществующая вина давила Артему на плечи. После каждого скандала грыз его изнутри маленький, но сильный червячок сомнений. И раз за разом уверенности в себе оставалось все меньше.

А вдруг родители правы, и Артем просто мараает бумагу, сочиняя очередную историю?

А если мама не притворяется, и ей действительно становится плохо, как только он заводит речь о своем творчестве?

Бессмысленные вопросы, на которые никто и никогда не сможет дать точный ответ.

* * *

— Проходи, Тем, не стесняйся. Бери тапки и шуруй на кухню. Сначала пообедаем, а потом уж

сядем за учебники.

Волк незаметно огляделся. Он не был любопытен, однако все же интересно, как живет учительница, которую привык видеть только в школе. В прихожей было очень уютно и как-то свободно, несмотря на тесноту. Большое зеркало обрамляло великое множество записок самого различного содержания. Типа «суп на плите», «не забыть сходить в химчистку», «позвонить тете Вале», «спросить у Чуприной методичку».

Артем непроизвольно хмыкнул. Понятно, конечно, что учителя такие же люди, как все. Но убедиться в этом самому было довольно прикольно. Суп, химчистка, — все это было так уютно и просто, что прямо с порога Артем сразу освоился, и почувствовал, как накопившееся за день раздражение и обида на родителей его отпускают.

— Проходи, садись, — пригласила Ольга Ивановна, — я сейчас борщ разогрею.

Ты на второе что будешь, плов или пюре?

Артем чуть не присвистнул от удивления. Интересно, кто в этой семье стряпает, если учительница целыми днями торчит в школе, а потом еще занимается с ребятами на дому?

Его мама, например, не успевает даже завтрак приготовить, потому как собирается на работу долго и тщательно. Неизменную яичницу жарит отец. Обед дома вообще Артему давно не грозит,

никто не варит супы, так что приходится довольствоваться школьной столовой. А на ужин мама покупает дорогие деликатесы, вроде морских водорослей в томате. Жуткая гадость!

Доходы Волковых вполне позволяют нанять домработницу, которая бы стояла у плиты. Когда Артем думал об этом, ему представлялась пожилая розовощекая тетечка в уютном переднике, самозабвенно колдующая над кастрюльками. Она бы кормила его ароматными щами, баловала бы плюшками и ласково бы возмущалась каждый раз, когда Артем пытался стянуть кусок мяса со сковородки руками. А он бы пытался!

Но любил ее и, пожалуй, даже согласился бы помогать на кухне. Посуду там помыть или сбежать в магазин.

Увы, приходилось лопать противные полуфабрикаты, жарить картошку и давиться опротивевшим омлетом. Мать Артема ни за что не соглашалась нанять домработницу.

— Я слишком занята, чтобы стоять у плиты! И не могу себе представить, что чужой человек будет находиться в доме! — Воскликнула она каждый раз, когда сын бунтовал против деликатесных бяк и требовал нормальной еды.

Замкнутый круг!

Словом, Артем слегка прибалдел, когда классная выставила на стол несколько тарелок с

салатами, кастрюлю, откуда валил обалденный запах борща, и еще огромное блюдо с пирожками.

— Так что, подогреть плов или ты хочешь пюре?

Он лишь сглотнул в ответ:

— Спасибо, мне только первое, я не очень голодный.

Словно возражая, в животе что-то громко заурчало.

— Даже не спорь, — хохотнула Ольга Ивановна, — надо поесть как следует, иначе никакие знания в голову не полезут.

Она налила ему полную тарелку борща, положила сметаны, а сверху бросила веточку укропа. Артем следил за ее действиями, крепко сжав зубы, чтобы не взвыть от нетерпения. Ужас до чего это все выглядело аппетитно.

Едва он взял ложку и потянулся к тарелке, как дверь в кухню резко распахнулась.

— Мам, а ты чего даже не зашла? Ой, у нас гости! Привет.

Перед ним стояла вчерашняя приколистка из «Верхушки». Ну надо же, а он и забыл, что она имеет самое непосредственное отношение к его классной руководительнице.

Глядя на Татьяну, Артем вдруг подумал, что выглядит она с каждым днем все хуже. На дискотеке девушка произвела на него неизгладимое

впечатление своим жутким платьем в облипку и диким взглядом. Не говоря уж о ее неадекватном поведении.

Сегодня же Таня показалось Артему совсем страшенькой. Просто маленькая кикимора! Волосы торчат в разные стороны, лицо опухло — то ли от рыданий, то ли еще от какой напасти, — синяки под глазами наводили на мысль о многодневной голодовке.

Венчали картину потертые треники, в которые был заправлен толстый свитер.

Вот тебе и милая Татьяна! Пушкин при взгляде на такую, разом растерял бы всю свою гениальность!

— В человеке главное — душа! — Независимым тоном заметила Таня, прочитав пренебрежение во взгляде Артема, но свитер все-таки выправила и волосы попыталась пригладить.

— Кто ж спорит? — Поспешно согласился Артем и принялся уписывать суп.

В любом случае, внешний вид этой чудачки не смог испортить ему аппетит. И это здорово.

— Ты зачем встала, кулема? — Оторвалась от плиты Ольга Ивановна. — Проголодалась? Иди в постель, я тебе туда все принесу.

— Мамочка, мне скучно и грустно, — заныла Татьяна, и, покосившись на Волка, добавила, — и

некому морду набить!

— Что за выражения? Возьми книжку почитай, телек посмотри, ты же всегда жалуешься, что тебе времени не хватает. Теперь с этим проклятым гриппом времени навалом! Опять же уроки не запускай! Скучно ей!

— Голова не соображает, — отмазалась Таня, — мне общения не хватает. Я от одиночества скоро завою, как волк! Люка ко мне придет?

— Обещала. У нее от простуды и следа не осталось. А ты у нас ходячая бацилла! Марш отсюда, говорю! Заразишь Артема еще!

— Я крепкий, — ради приличия заявил Волк, — пусть сидит.

Таня изобразила реверанс.

— Вот спасибо, так спасибо! Какие люди ходят благородные, а?

— Тань! — Одернула мама.

Она подала ей тарелку с борщом. Артем между тем опустошил свою, и чуть не урча от удовольствия, машинально заглянул в Танину.

— Темка, давай я тебе еще налью, — предложила Ольга Ивановна.

— Ой не, спасибо! — Он чинно сложил руки на коленях. — Было очень вкусно!

— Раз вкусно, трескай еще! — Резонно заметила Таня.

Когда Артем съел следующую тарелку

горячего, ему предложили пюре с хрустящими огурчиками и селедкой под шубой, а потом налили чашку горячего ароматного чая, заваренного по всем правилам. И блюдо с пирожками пододвинули поближе. С одного края были с мясной начинкой, с другого — с сыром и грибами, а сверху лежали сладкие — с клубникой и вишней.

Невозможно было описать словами блаженство, охватившее насытившегося Волка.

Он вяло откусил от третьего пирожка и на полном серьезе подумал, что не пропустит ни единого занятия химией. Лишь бы всегда так кормили! Сил не было даже на то, чтобы застыдиться собственных меркантильных интересов.

— Мам, по-моему, он сейчас заснет, — хихикнула Таня, кивнув на Волка, который клевал носом.

— Ничего подобного, — возразил он лениво, — я готов к занятиям!

— Погоди, я еще не готова, — рассмеялась Ольга Ивановна, — ты пока иди устраивайся, почитай параграф. А я приду, тебя проверю и дам задачки.

— Мам, а я? — Обиженно протянула Таня.

Ольга Ивановна потрепала ее по волосам и шутливым тоном приказала:

— А ты марш в постель! Держись от здоровых

людей подальше. С Люкой будете через дверь общаться, запомнила?

Татьяна понуро двинулась в комнату. Артем шел следом.

— Ты вчера под дождь попала? — С внезапным сочувствием поинтересовался он.

Татьяна, не оглядываясь, пробурчала, что это не его дело.

— Занимайся своей химией и не приставай ко мне!

— Это я к тебе пристаю?! — Изумился Артем. — А кто на дискотеке мои коленки атаковал?

Она покраснела от злости и выпалила:

— Нужны мне твои коленки!! У меня был план, понял?!

— Надо же, ты, оказывается, стратег! — Усмехнулся Артем и, проницательно сощурившись, предположил, — слушай, так ты пыталась закадрить того парня, да? Решила заставить его приревновать?

— Не твое дело, — повторила попугаем Таня.

— Ого, меня уже цитируют! — Воскликнул он, вспомнив, как вчера сам повторял то и дело эту фразу.

Взаимные издевки могли бы продолжаться до бесконечности. Ребята стояли друг против друга, словно бойцы на ринге. Таня тяжело дышала,

соображая, что бы такое еще ответить — дерзкое и окончательное. Артем сам себе удивлялся. Обычно он не ввязывался в глупые перепалки, считая это ниже собственного достоинства.

— Вы что не поделили? — выглянула из кухни Ольга Ивановна.

— Ничего, — фыркнула Таня и исчезла в своей комнате.

Но сидеть в одиночестве было невыносимо скучно. Читать не хотелось, а телевизор был только в гостиной. Уроки? Брр, даже думать невозможно, чтобы сейчас заниматься алгеброй или русским. Скорей бы пришла Люка!

Таня прислушалась, пытаясь понять, чем занята мама. Вроде еще на кухне, стало быть, занятия пока не начинали. Независимо напевая себе под нос, Татьяна вышла из комнаты и направилась в гостиную. В конце концов, это ее дом, где хочет, там и ходит. Вот сейчас найдет диск с играми и сядет за комп.

Артем, устроившись в кресле, листал какую-то книгу. Незаметно приглядевшись, Таня прочитала название. «Три товарища» Ремарка. Отличная вещь! Но ведь это же не химия!

— Отлыниваешь от задания? — мимоходом подколола она.

— Читала? — Не желая препираться, он потряс в воздухе книжкой.